

УДК 159.9

О. В. Белановская

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Предпринята попытка провести содержательный анализ развития научных психологических взглядов на генезис и структуру сознания человека, а также современного состояния данной проблемы. Описываются ключевые позиции наиболее разработанных теорий сознания: З. Фрейда, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, В. П. Зинченко, обсуждаются перспективные направления исследований сознания в рамках метасистемного и деятельностного подходов.

Введение. Проблема сознания, являясь важнейшей психологической проблемой, неизменно привлекала к себе внимание исследователей на всех этапах развития психологической науки. Одно из первых определений сознания, данное В. М. Бехтеревым, имеет чрезвычайно богатый психологический смысл: оно фиксирует активный и искусственный характер сознания, а также показывает, что содержание сознания не есть само сознание. Метафорично определяя сознание, В. М. Бехтерев писал, что оно «...может быть уподоблено яркому светильнику, который, озаряя собой глубокие тайники нашей психической сферы, в то же время позволяет нам заблаговременно предвидеть последствия своих деяний и даёт возможность находить средства для противодействия тем или другим пагубным для нас влечениям» [1].

Результаты исследования и их обсуждение. Начало психологическому изучению сознания было положено представителями интроспективной психологии Ф. Brentano, В. Вундтом, У. Джемсом, Э. Титченером и др. В рамках этого направления были выделены и описаны различные характеристики сознания: в сознании человеку представле-

на объективная и субъективная реальность; благодаря сознанию человек воспринимает образы, мысли, чувства как принадлежащие лично ему, отделяет «Я» от «не-Я»; сознание целостно и непрерывно; оно наполнено определённым содержанием, которое может перемещаться с периферии сознания в его фокус и наоборот [2].

Первым, кто попытался построить собственно психологическую теорию сознания, базовым уровнем которой явилось противопоставление биологического (природного) и социального в жизни человека был З. Фрейд. Между этими двумя началами он поместил сознание [3], [4]. Очевидно, что при таком способе идеализации сознание двойственно и имеет в качестве компонентов «Эго» и «Супер-эго». Взаимодействие этих двух компонентов сознания определяет то, что будет вытеснено в сферу бессознательного, а что, наоборот, будет актуализировано и рационализировано.

Кроме того, по З. Фрейду, сознание имеет иерархическую структуру и включает в себя подсознание, сознание, сверхсознание. Подсознание и сверхсознание образуют состав бессознательного [5]. Сознательное и бессознательное — это не противоположно-

сти, а частные проявления «сознания вообще», где собственно сознательное есть рефлексивное, а бессознательное — арефлексивное сознание.

Фактически вся теория З. Фрейда — это обсуждение тех механизмов, по которым строится взаимодействие биологического и социального посредством сознания. Сознание при этом оказывается своеобразной «перевалочной базой», через которое перекачиваются определённые содержания. Можно утверждать, что З. Фрейд задал психологическую структуру сознания и психики в целом, в которой важнейшей методологической частью является утверждение, что психика и сознание не могут быть представлены как некоторые недифференцированные целостности. Только благодаря наличию функционально различных структур возникает напряжение между ними как структурными компонентами, что и вызывает движение и преобразование различных содержаний.

В отечественной психологии первую развёрнутую концепцию сознания мы находим у Л. С. Выготского, которого в первую очередь интересовал вопрос онтогенетического возникновения сознания [6]. Он исходил из того, что при переходе от животных к человеку изменяется характер взаимодействия человека с природой. Одной из существенных характеристик этого взаимодействия становится опосредованность, проявляющаяся в использовании орудий труда. Поскольку сознание является отражением окружающего человека мира, его идеальным бытием, основное отличие от психики животных будет заключаться в использовании особых психологических орудий — *знаков*, которые перестраивают всю систему психических функций.

Знаки являются носителями определённых значений, представляющих собой обобщённое отражение действительности. От того, как человек обобщает различные содержания, будет зависеть строение его сознания. Таким образом, характеристика процессов обобщения является одной из существенных особенностей сознания.

Для Л. С. Выготского значение выступает, прежде всего, как средство воздействия на самого себя, как то, что перестраивает психику и поведение человека в целом. Развитие высших психических функций и сознания строится на овладении опосредующими средствами — знаками, и в этом смысле знаково-символическая функция представляется единой основой развития психики. В рамках знаковой деятельности осваивается тот внутренний строительный материал, из которого создаётся квазипредметность, позволяющая подняться на качественно новый уровень развития: возможность отнестись к себе как знаку для себя, воздействовать на самого себя, что приводит к появлению самосознания как структурного компонента сознания личности [7].

Инструментальный подход и идея высших психических функций логически приводят к выводу, что сознание как раз и возникает в момент появления опосредованных психических функций как тот орган, который обеспечивает организацию разнородных элементов. При этом надо понимать, что сознание находится не внутри высшей психической функции, а вне её, как то, что обеспечивает целостность психического процесса и опосредующего знака. Более того, возникновение и развитие высших психических функций приводит к необходимости возникновения и нового способа их организации, которая обеспечивала бы внутреннюю целостность всей психической жизни человека. Эта функция организации и есть сознание. Отсюда вытекают две основные характеристики сознания: целостность и системность.

Развивая философские представления об онтологии сознания, Л. С. Выготский писал, что в сознании можно выделить два слоя: сознание для сознания и сознание для бытия, т. е. бытийный и рефлексивный слои сознания. При анализе структуры сознания он разделял его *системное*, под которым понимал сложную совокупность отношений отдельных функций между собой, специфичную для каждой возрастной ступени, и *смысловое* строение как характер обобщений,

посредством которых совершается осмысление человеком мира. Смыслы укоренены в бытии, существенным аспектом которого являются человеческая деятельность, общение и действие. Они не только укоренены в бытии, но и опредмечиваются в действиях, в языке — в отражённых и порождённых образах, в метафорах, в символах. Появление системного и смыслового строения сознания Л. С. Выготский связывал с возникновением речи [8].

А. Н. Леонтьев, предприняв попытку раскрытия принципа целостности сознания на основании идей марксистской философии о центральном значении деятельности в развитии человека и общества, ввёл дихотомию «объективный мир — деятельность», где именно деятельность противостоит естественно-природному и стихийному, а вслед за этим — дихотомию «деятельность — сознание».

Саму деятельность А. Н. Леонтьев рассматривает как то, что одновременно принадлежит объективному миру и миру субъективного, сознанию, т. е. является принципиально двойственным. Такое структурное место деятельности позволило А. Н. Леонтьеву построить трёхуровневую модель (мотив — деятельность; цель — действие; операция — условия), где левая часть каждой пары принадлежит миру субъекта, а правая — объекту [9]. За счёт этих двух различий он получает и содержания сознания, которые структурируются самой деятельностью, и генезис сознания, который определяется характером становления и последующего овладения деятельностью.

Далее А. Н. Леонтьев строит чрезвычайно мощную и изящную конструкцию возникновения сознания в филогенезе. В процессе коллективной деятельности по поводу какого-либо объекта всегда возникают ситуации необходимости совместного использования определённого орудия. Это означает, что орудие должно быть зафиксировано как нечто объективное. Таким объективным в культуре есть *знак и его значение*, которые становятся, по А. Н. Леонтьеву, *первой образующей сознания* [9].

Сознание отражает не только объективные характеристики предметного мира, оно ещё пристрастно, т. е. содержание сознания имеет субъектный и субъективный характер. Индивид должен определить для себя не только содержание цели, но *смысл* цели и выполняемого действия, отвечать на вопросы, *почему и зачем* он выполняет то или иное действие. *Личностный смысл* есть «значение для себя» как осознание своего функционального места в структуре коллективной деятельности и отношение своих целей к потребностям и результатам деятельности. Личностный смысл становится, по А. Н. Леонтьеву, *второй образующей сознания*.

В рамках теории деятельности любое орудие (средство) есть абстракция и обобщение. Деятельностное отношение к миру означает, что человек начинает воспринимать мир через призму отношений «цель — средство — результат». Происходит реальное изменение строения и особенностей перцептивного процесса. Предметный мир теряет свою непосредственность биологической связи с витальными потребностями организма и начинает отражаться в его объективных, т. е. в опосредованных, абстрактных и обобщённых свойствах и качествах. Перцептивные процессы становятся высшими психическими функциями, которые характеризуются произвольностью и осознанностью.

Изменяется не только процесс, но и его продукт — возникающие представления и образы ситуации становятся *«чувственной тканью сознания»*. Это положение получило неопровержимое доказательство в экспериментальных исследованиях генезиса и строения высших психических функций в работах как самого А. Н. Леонтьева [10], так и П. Я. Гальперина [11] и др. *Восприятие и соответствующие образы-представления* становятся, по А. Н. Леонтьеву, *третьей образующей сознания*.

Таким образом, в деятельностной концепции сознания А. Н. Леонтьева сознание погружено в деятельность и по генезису, и по способу функционирования. Данная концеп-

ция является внутренне достаточно непротиворечивой и хорошо операционализируемой в задачах конкретно-психологических исследований. Однако с методологической и теоретической точек зрения приводит к ряду неразрешимых противоречий. «Существующая в рамках деятельностного подхода тенденция к сведению всех отношений человека с миром к деятельностным при одновременном полагании единства сознания и деятельности (и рассмотрение сознания как деривата деятельности) ведёт к редукции сознания (и даже психики) к совокупности психических деятельностей» [12, с. 59]. Сознание предстаёт только в функции отражения и полностью теряет свою активную, порождающую функцию. Так, В. П. Зинченко очень точно замечает, что пока сознание «внутри деятельности, внутри бытия, оно как-то адаптируется к ним. Его рефлексивные функции ограничены, хотя возможность оценки, конечно, сохраняется. Однако оценки, делаемые изнутри, всегда лукавы. Привязанное к бытию сознание неспособно признавать его — бытия — принципиальную нелепость, абсурдность, оно склонно искать его оправдание, а значит, и самооправдание во временных трудностях, во внешних силах, в воле обстоятельств, чьих-то происках и т. п. Оно не видит и собственной немощности, не может стать предметом сознания. Механизм саморефлексии не формируется, а следовательно, и бытие не выступает предметом осознания полноценного автономного сознания. Такое неосознанное бытие оказывается всего лишь существованием, хотя последнее, может быть, и не лишено приятности. Сознание не может стать участником в бытии, как говорил М. М. Бахтин. Поступок низводится до уровня биологического и технологического акта. Личность «выпадает в осадок». Как это ни парадоксально, но сознание, инкапсулированное в деятельность, не поднимает её до себя, так как оно само в ней, а деформирует и разрушает её. А это не проходит бесследно и для самого сознания. Оно не столько ищет себя, сколько бежит от себя» [13, с. 153].

О. В. Гордеева, анализируя теорию сознания А. Н. Леонтьева, подчёркивает её ориентацию на марксистскую методологию, которая: «1) исключает из предмета психологического исследования анализ собственных закономерностей и специфических детерминант развития сознания, его спонтанности, его способности к саморазвитию, самодетерминации, саморегуляции; 2) однозначно задаёт генетический план изучения сознания и оставляет за пределами психологического исследования функциональный анализ сознания; 3) приводит к изъятию из сферы изучения сознания больших проблемных и феноменальных областей...; 4) редуцирует понимание активности сознания ... ведёт к превращению тезиса об активности сознания из действенного в декларативный; 5) ведёт к исключению из психологии проблемы ценностей, которые могут находить своё воплощение в индивидуальном сознании не только в личностных смыслах, но и в значениях; 6) исключает из предмета психологического исследования культурно-символические образования индивидуального сознания..., а также аффективно-смысловых образований человеческого сознания, существующие в обществе вне сознания индивидуального; 7) препятствует пониманию активного характера формирования значений» [12, с. 68—69].

Ю. М. Швалб вводит ещё одно замечание к анализу теории сознания А. Н. Леонтьева: «Определяя основу сознания через чувственную ткань, понятую как совокупность восприятий, мы, конечно же, обеспечиваем предметность сознания, но при последовательном развёртывании этого тезиса с необходимостью придём к редукции всего сознания к памяти. ... Это и произошло в когнитивной психологии» [14, с. 17].

Опираясь на идеи А. Н. Леонтьева, Ф. Е. Василюк [15] предложил модель сознания в виде «психосемиотического тетраэдра». Он дополняет три структурных компонента сознания — чувственную ткань образа, смысл и значение — двумя новыми: предметным содержанием образа и словом-знаком. Таким образом, получается психосемиотический

тетраэдр, в котором структурные компоненты сознания являются вершинами, соединёнными рёбрами. Ведущую и объединяющую роль в тетраэдре играет чувственная ткань образа, которая, находясь внутри него, объединяет и опосредует другие компоненты.

В работах В. П. Зинченко [13], [16] в сознании, помимо чувственной ткани, значения и смысла, выделяются биодинамическая ткань движения и действия. Значение и смысл образуют рефлексивный или рефлексивно-созерцательный слой сознания.

Бытийный, или бытийно-деятельностный, слой сознания составляет чувственная ткань образа и биодинамическая ткань живого движения и действия. В итоге получается двухуровневая структура сознания и четыре единицы его анализа.

По мнению В. П. Зинченко, следует воздержаться от характеристики бытийного и рефлексивного уровней сознания в терминах «высший—низший», «главный—подчинённый». Каждый из уровней выполняет свои функции, и при решении различных жизненных задач может доминировать либо один, либо другой. Бытийный и рефлексивный слои сознания находятся в тесной взаимосвязи. В рефлексивном слое в значениях и смыслах присутствуют элементы бытийного слоя. Смысл — это всегда смысл чего-то: образа, действия, жизни. Из них он извлекается или в них вкладывается. Выраженное словом значение содержит в себе как образ, так и действие. В свою очередь, бытийный слой сознания несёт на себе следы развитой рефлексии, содержит её истоки и начала.

На основе описанной структуры сознания осуществляется и компоновка «презентированных сознанию миров»: «Мир идей, понятий, житейских и научных знаний соотносим со значением как образующей рефлексивного слоя сознания. Мир человеческих ценностей, переживаний, эмоций, аффектов соотносим со смыслом как следующей образующей рефлексивного слоя. Мир производительной, предметно-практической дея-

тельности соотносим с биодинамической тканью движения и действия как образующей бытийного слоя. Наконец, мир представлений, воображения, культурных символов и знаков соотносим с чувственной тканью как следующей образующей бытийного слоя сознания» [13, с. 202—203].

Безусловно, предложенная В. П. Зинченко концепция сознания является наиболее эвристичной. Кроме того, она опирается на обширный экспериментальный материал и является хорошей моделью, описывающей и объясняющей многообразие психологических фактов. Тем не менее, анализируя данную концепцию, мы, вслед за Ю. М. Швалбом, отмечаем ряд её внутренних противоречий и внешних ограничений: «...декларированное “освобождение” сознания от универсума деятельности так и не осуществилось. Введение компонента “биодинамическая ткань живого движения и действия” в этом отношении ничего не изменило (хотя в других планах это очень важный момент) — сознание так и осталось включённым в деятельность как её фрагмент, со всеми вытекающими отсюда следствиями ... сознание осталось фиксирующе-отражающей, а не порождающей инстанцией. В концепции содержится явное противоречие между набором приписываемых сознанию функций и качественными характеристиками структурных элементов. Вопрос о том, как данная структура обеспечивает реализацию данных функций, вообще не рассматривался и, по нашему мнению, в данной концепции не может быть решён. Совершенно непонятен принцип предметного наполнения образующих сознания. Просто обескураживающими, например, являются разрыв “мира идей, понятий” и “культурных символов и знаков” и их отнесение к разным образующим: ибо, что же есть в культурном символе, кроме живой идеи, и что же есть в идее, кроме культурного символа и мифа? Или, например, каким образом в рефлексивный слой сознания попа-

ли аффекты?» [14, с. 19]. Перспективные линии развития концепции сознания должны включать «значимость созерцания как того процесса, который противопоставит универсализму деятельности. ... наличие особого органа — “ока души” ... идею спонтанности развития сознания, его способности к мгновенным трансформациям» [14, с. 19].

Ещё одно мощное теоретическое направление исследования сознания было основано С. Л. Рубинштейном, который выделяет три его структурных элемента: познание, осуществляющееся через речевое мышление; созерцание, определяющее постижение мира; действие, выраженное через систему знаний и представлений. Причём созерцание явно оказывается ведущей функцией сознания, так как обеспечивает осмысленность и одухотворённость отношения человека к миру. Очень важным в данной концепции сознания является выделение двух слоёв сознания через способ существования человека. «Первый — жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живёт человек... Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение — это отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом... Второй способ существования связан с появлением рефлексии» [17, с. 351]. Это различие обыденного и рефлексивного слоёв, или типов, сознания в сочетании с тремя структурными компонентами образует сложную композиционную схему. Однако она оказывается оторванной от системы мотивов и эмоций, а также от собственно волевого поведения личности. Частично это объясняется тем, что С. Л. Рубинштейн описал только назначение структурных элементов сознания, но не дал картины их функционирования. Возможно, тогда бы часть проблем и вопросов была снята.

Разрабатывая концепцию структуры сознания и его места в системе современной психологической теории, К. К. Платонов [18] считал, что сознание имеет три основных функции: регулятивную, познавательную и оценочную и, соответственно, три взаимо-

действующих атрибута: переживание, познание и отношение. Он отмечал, что каждый из этих атрибутов сознания специфически связан с различными свойственными человеку формами отражения. Переживание, в основном, выражается в потребностях, эмоциях, чувствах и воле и через последнюю — в произвольной памяти и внимании; познание — в ощущениях, восприятии, мышлении и памяти; отношение может проявляться во всех сферах отражения, свойственных человеку, но наиболее отчётливо в мышлении как познавательном отношении, чувствах и воле как переживаемом отношении. Данная концепция — наиболее яркий образец реализации идей структурного подхода к пониманию сознания человека.

Одной из перспективных современных разработок в данной области является попытка построения теории сознания в рамках системной методологии, предпринятая А. В. Карповым [19]. Через введение метасистемного уровня организации системы, являющегося не только иерархически высшим, но и «открытым», позволяющим через него системе взаимодействовать с иными системами и развиваться в таком взаимодействии, он строит предположение, что сознание, будучи самостоятельной, качественно определённой системой, выступает и как разновидность очень специфического типа систем. Сознательное формируется и функционирует по принципу мультиплицирования «целого» (психики) в «части» (т. е. в нём самом), по принципу формирования системы со «встроенным» метасистемным уровнем. Лишь благодаря такому принципу сознание становится и возможным, и эффективным. Это приводит к тому, что содержание психического оказывается *субъективно* самопрезентивным личности как «осознаваемое». Благодаря этому становятся возможными взаимодействия сознательного и бессознательного. Всё это лежит в основе порождения *субъективной реальности* как таковой, того, что «дано», что «ощущается» субъектом,

что «для него существует» и *через что* существует всё остальное, то есть объективная реальность. Сама же она существует лишь постольку, поскольку представлена как субъективная реальность; последняя же может «субъективно ощущаться», репрезентироваться на основе механизма «встраивания» психического в одну из его «составляющих» — в сознание. Исходя из данной позиции, А. В. Карповым намечаются реальные и вполне конкретные направления развития системного подхода при разработке теории сознания [19].

С позиций системного подхода сознание является проявлением метасистемы, объединяющей человека со всеми его физическими, биологическими, социальными и другими взаимодействиями. Функции сознания связаны не только (и не столько) с индивидуальной жизнью человека, сколько с развитием и функционированием метасистем, в которые человек включён. Парадигма, предлагаемая В. П. Серкиным [20], трактует человека как творящее «реальность» существо, а основными специфическими функциями сознания являются функции преобразования и проектирования. Представление сознания как совокупности познавательных процессов опирается на неявный постулат классической науки о существовании «объективной реальности» и отделённого от этой «реальности» познающего субъекта. Согласно теории В. П. Серкина [20], сознание развивается в процессе деятельности, изменяющей «реальность», т. е. вместе с развитием «реальности», которая для человека является не неизменной «объективно существующей» данностью, а процессом, на который возможно влиять своей деятельностью. Данный подход позволяет исследовать и описывать сознание не как совокупность изолированных состояний сознания, а как структуру состояний сознания, связанную в единое целое деятельностью (активностью) человека. Следовательно, не сознание объединяет деятельность человека в це-

лостный процесс, а наоборот, деятельность (деятельности) объединяет различные состояния сознания в тот процесс, который осознаётся как самосознание субъекта деятельности.

Заключение. Подводя итоги нашего исследования, следует отметить, что в современной психологии вопрос о природе, структуре и функциях индивидуального сознания занимает важное место. Многие учёные концентрируют свои усилия на проблематике сознания: появляются принципиально новые схемы анализа и описания сознания (О. В. Гордеева, В. П. Зинченко, Е. В. Субботский, Е. В. Улыбина и др.), предмет специальных исследований становятся частные формы сознания (целесолагающее сознание, экологическое сознание, политическое сознание, профессиональное сознание и др.). Тем не менее в современной науке пока не только отсутствует феноменология и теория сознания, но мало достаточно обоснованных гипотез, позволяющих дать удовлетворительный ответ на вопрос о том, что такое сознание. Перечислим основные ограничения и недостатки современных разработок теории сознания: 1) не определены чётко надсистемы сознания человека; 2) не определён субстанциональный статус субъективности; 3) не решена проблема исследования объекта, уровень сложности которого превосходит уровень сложности исследователя; 4) существующие формальные языки моделирования недостаточны для описания свойств сознания; 5) свойства моделей сознания трактуются авторами как свойства самого сознания; 6) теории сознания не в достаточной мере объясняют полученные факты; 7) дискуссионными являются «чистые» свойства сознания, не обусловленные деятельностью субъекта и социокультурной ситуацией. Создание целостной теории сознания всё ещё находится в далёкой перспективе.

Список цитируемых источников

1. Бехтерев, В. М. Избранное: в 7 т. / В. М. Бехтерев // Сознание и его границы. — М.: [б. и.], 1983. — Т. 2. — С. 222.
2. Джемс, У. Психология / У. Джемс. — М.: [б. и.], 1991. — С. 56—80.
3. Фрейд, З. Психоанализ. Религия. Культура / З. Фрейд. — М.: [б. и.], 1991. — 296 с.
4. Фрейд, З. «Я» и «Оно»: Труды разных лет: в 7 кн.: пер. с нем. / З. Фрейд. — Тбилиси: [б. и.], 1991. — Кн. 1. — 298 с.
5. Brandstatter, H. Psychologie der Person: Der psychoanalytische Ansatz der Persönlichkeitsforschung / H. Brandstatter, H. Schuler, G. Stocker-Kreichgauer. — Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz: [с. п.], 1978. — S. 75—122.
6. Выготский, Л. С. Психика, сознание, бессознательное / Л. С. Выготский // Собр. соч.: в 5 т. — М.: [б. и.], 1982. — Т. 1. — С. 132—148.
7. Белановская, О. В. Проблемы генезиса знаково-символической деятельности / О. В. Белановская // Психол. журн. — 2009. — № 4. — С. 11—17.
8. Выготский, Л. С. Психология / Л. С. Выготский. — М.: [б. и.], 2000. — С. 262—510.
9. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. — М.: [б. и.], 1977. — 304 с.
10. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. — М.: [б. и.], 1981. — 575 с.
11. Гальперин, П. Я. Управление процессом учения / П. Я. Гальперин // Новые исследования в пед. науках. — М.: [б. и.], 1965. — Вып. 4. — С. 15—20.
12. Гордеева, О. В. Последствия методологической ориентации на марксизм при изучении сознания: (на материале работ А. Н. Леонтьева) / О. В. Гордеева // Вопр. психол. — 1998. — № 5. — С. 59—69.
13. Зинченко, В. П. Человек развивающийся. Очерки российской психологии / В. П. Зинченко, Е. Б. Моргунов. — М.: [б. и.], 1994. — 304 с.
14. Швалб, Ю. М. Целеполагающее сознание: (психологические модели и исследования) / Ю. М. Швалб. — Киев: [б. и.], 2003. — 152 с.
15. Василюк, Ф. Е. Структура образа / Ф. Е. Василюк // Вопр. психол. — 1993. — № 5. — С. 5—19.
16. Зинченко, В. П. Миры сознания и структура сознания / В. П. Зинченко // Вопр. психологии. — 1991. — № 2. — С. 15—37.
17. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — М.: [б. и.], 1973. — С. 255—385.
18. Платонов, К. К. Система психологии и теория отражения / К. К. Платонов. — М.: [б. и.], 1982. — 309 с.
19. Карпов, А. В. Психология сознания: Мета-системный подход / А. В. Карпов. — М.: [б. и.], 2011. — 1 088 с.
20. Серкин, В. П. Деятельностная теория сознания / В. П. Серкин // Науч. материалы V съезда Рос. психол. об-ва, 14—18 февр. 2012 г., Москва: в 3 т. — М.: [б. и.], 2012. — С. 97—98.

Материал поступил в редакцию 20.03.2012 г.

The article attempts to hold a meaningful analysis of the scientific psychology views on the genesis and structure of human consciousness, the current state of the problem as well. It describes the core position of the most famous theories of consciousness: S. Freud's, L. S. Vygotsky's, A. N. Leontiev's, S. L. Rubinstein's, V. P. Zinchenko's and others's; outlines the perspective areas of research within the consciousness activity and system approaches.